

ДИАЛОГ

психологический и социально-педагогический журнал

Научно-методический журнал

Выходит с января 2013 г.
Периодичность — 1 раз в два месяца

№ 3 (50)
май —
июнь
2018

Учредитель и издатель:
республиканское унитарное предприятие
«Издательство “Пачатковая школа”»

Директор, главный редактор издательства
ВАНИНА Ольга Владимировна

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 1572 от 28.09.2012,
выдано Министерством информации Республики Беларусь

Главный редактор журнала
ПЕРГАМЕНЩИК Леонид Абрамович,
доктор психологических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Н. А. ЗАЛЫГИНА, заместитель главного редактора, кандидат социологических наук, доцент;
Н. Л. ПУЗЫРЕВИЧ, ответственный редактор, кандидат психологических наук;
Г. Ф. БЕДУЛИНА, кандидат социологических наук, доцент;
О. В. ВАНИНА;
С. И. КОПТЕВА, кандидат психологических наук, доцент;
Т. И. КРАСНОВА, кандидат психологических наук;
Г. М. КУЧИНСКИЙ, доктор психологических наук, профессор;
Т. А. ЛОПАТИК, доктор педагогических наук, профессор;
Л. Г. ЛЫСЮК, доктор психологических наук, профессор;
О. В. МАТЮХОВА;
А. П. ОРЛОВА, доктор педагогических наук, профессор;
А. А. ПОЛОННИКОВ, кандидат психологических наук, доцент;
Ю. Г. ФРОЛОВА, кандидат психологических наук, доцент

Редакционный совет:

А. И. ЗЕЛЕНКОВ, председатель, доктор философских наук, профессор;
А. Л. ВЕНГЕР, доктор психологических наук, профессор (РФ);
Н. Т. ЕРЧАК, доктор психологических наук, профессор;
Я. Л. КОЛОМИНСКИЙ, доктор психологических наук, профессор;
А. С. ЛАПТЁНОК, доктор философских наук;
П. МЕРИНГОЛО, профессор департамента психологии (Италия);
Р. С. СИДОРЕНКО, кандидат педагогических наук;
Е. С. СЛЕПОВИЧ, доктор психологических наук, профессор;
И. А. ФУРМАНОВ, доктор психологических наук, профессор;
Е. М. ЧЕРЕПАНОВА, доктор психологии (США);
В. А. ЯНЧУК, доктор психологических наук, профессор

Категория переживания в культурно-исторической психологии и практики майевтики

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «НА СКОРИНЫ, 15»

Л. А. Пергаменщик.

Наше очередное заседание методологического семинара «На Скорины, 15» будет посвящено работам Л. С. Выготского — мы будем обсуждать умение читать тексты. Сегодняшний наш семинар — это результат чтения, не больше и не меньше. Как мы читаем тексты? И вообще, как можно читать Выготского? Я выделил два варианта.

Первый подход — подход историко-научной реконструкции. Один из наших семинаров был посвящен результатам историко-научной реконструкции, которую проделал В. С. Собкин с театральными рецензиями Выготского с последующей публикацией статьи на эту тему в журнале «Диалог». Это была первая статья В. С. Собкина на эту тему на постсоветском пространстве. После этого вышла книга В. С. Собкина «Комментарии к театральным рецензиям Льва Выготского». А совсем недавно вышел первый том полного собрания сочинений Выготского.

Что представляет собой подход историко-научной реконструкции? Вот В. С. Собкин дал текст и комментарии, а теперь давайте попытаемся понять: почему из театральных рецензий появился Выготский? А то, что Выготский вышел из театра, по крайней мере, по текстам — это действительно так. Он

обладал культурой Серебряного века, знал философию, языки, но практика написания текстов у него была театральная.

Еще один вариант историко-научной реконструкции был сделан Николаем Вересовым. Этот текст был опубликован в 2007 году в журнале «НЛО». Текст большой, но я приведу вам только одно определение и покажу, как три категории этого определения по-новому анализируются с позиции закона культурно-исторического развития, которую мы с вами хорошо знаем. Сам по себе закон очень прост: всякая функция в культурном развитии появляется на сцене дважды, в двух планах — сперва в социальном, психологическом, как категория интерпсихическая, а потом внутри ребенка, как категория интрапсихическая. Теперь я покажу, как Николай Вересов проанализировал этот закон, взяв за основу только три слова: категория и сцена и, когда он анализировал эти два слова, появилось третье, которого в этой формулировке закона нет, — это слово «переживание». Итак, что такое категория? Категория — это предельно общее понятие. Обычно так утверждается. Однако Выготский так не считал. Это мы думаем, что в его определении категория — предельно общее понятие. Например, стол, стул, а общее понятие — мебель. Это уже

категория, условно говоря. В языке той культуры под словом «категория» понималось нечто весьма определенное: «категория есть острое столкновение позиций, характеров, драматическая коллизия, конфликт между людьми или внутри человека, столкновение, сопровождаемое острыми эмоциональными переживаниями». Почему это определение? Потому что Выготский взял его в театральном словаре Мейерхольда, с которым они дружили, и использовал в дальнейшем для определения понятия «категория». То есть для людей, живущих в культуре 20—30-х годов XX века, это было само собой разумеющимся. И то определение, которое я дал вначале, к этому слову не подходит.

Второе слово — сцена. Мы говорили о двух уровнях: *интер-* и *интра-*. У Выготского никаких уровней нет. Есть одна сцена. Сцена — наша жизнь. Вот из книги В. С. Собкина «Комментарии к театральным рецензиям Льва Выготского» это можно извлечь. И на этой сцене есть два плана: передний план — авансцена, на которой происходят внешние коллизии (то, что мы видим, когда приходим в театр). Но в театр мы идем затем, чтобы понять, что же происходит за этим передним планом, что люди переживают, что думают о том, что они говорят, что они думают о своем поведении. Поэтому не каждые социальные отношения, социальное взаимодействие может стать внутренней высшей психической функцией. В театре тем, что происходит на сцене, все может и заканчиваться.

И третье понятие — это переживание. В понятие категории входит не только столкновение позиций (то, что мы называем *интер-*), но и эмоциональное переживание этих столкновений. И все это происходит на одной сцене. Поэтому у Выготского уже в этом законе, а не только в последних лекциях, опу-

бликованных в 1924 году, переживание присутствует как категория, без которой вообще закон не работает.

Но что делает Николай Вересов? Как он строит стратегию изучения человека? Мы заменяем сцену уровнем развития, то, что у Выготского называется «сцена жизни», у Вересова описывается как категория «переживание». Для методологии классического бихевиоризма это вполне годится. Поэтому, когда Холл, ученик и аспирант Лурии, переводил Выготского, он сделал Выготского социальным бихевиористом, как отметила Зоя Престес. Потому что человека формирует социальная среда, если об этом говорить семантически. Тогда возникает вопрос: что же там у Выготского есть, если тот же Джерджен считает, что Выготский много сделал для возникновения направления социального конструктивизма.

Второй подход — посмотреть на текст Выготского с позиции современного состояния психологии. Здесь я назову только одну фамилию — мне кажется, лучше всего это сделал А. А. Пузырей, один из самых культурных психологов современной России. Андрей Андреевич Пузырей в 1986 году выпустил учебное пособие, где хорошо соединяется поэзия, музыка и методология. В методологии он идет от Щедровицкого и Мамардашвили. У него есть хорошие работы и о том, и о другом. Анализируя Выготского, Пузырей взял методологический принцип Мамардашвили и подошел к тексту Выготского с этой позиции. Он пишет: «В случае с Выготским, поколение спустя, мы, по сути, читаем совсем другой текст». А если бы сегодня, спустя 50 лет, мы начали читать Выготского — какой бы текст мы сейчас получили? Кстати, статья А. А. Пузырея была принята очень плохо. Его критиковали за то, что он неправильно читает Выготского. Это отдельная, очень интересная тема.

Итак, Выготский наверняка гениален. Но он настолько противоречит сам себе, что если читать его буквально, то взять у него можно не много. Только посмотрев на Выготского с позиции той психологии, в которой мы живем, имеет смысл его читать. Исторически — да, нужно обязательно сказать, что был такой ученый, что для Беларуси это знаковая фигура, как и для России, наверное, который сделал вот это и вот то. Но, если говорить о Выготском, не зная ту культурную среду, в которой он находился, начиная от Троцкого и кончая Мандельштамом, ничего не выйдет. Помните, как Зинченко на одном из семинаров, на котором председательствовал, сказал, что один из эпиграфов Выготского — это текст Мандельштама. И возник вопрос: как Мандельштама? Дело в том, что у Выготского очень много всего зашифровано. Он цитирует и не называет фамилии и т. д.

Завершая свое выступление, я хочу сказать, что читать тексты — это всегда хорошо, читать их нужно медленно, как в одном из немецких университетов читают Хайдеггера. Когда у студентов спросили, что они сделали за полтора года, те ответили: прочли Хайдеггера, 12 страниц.

С. Н. Жеребцов

Уважаемые коллеги! Я благодарен вам, что вы пришли на сегодняшний семинар. Я взволнован, поскольку, во-первых, проблема, о которой мы сегодня говорим, для меня очень важна, а во-вторых, я никогда не обсуждал идеи, связанные с Выготским, на таком уважаемом собрании. Каковы были мои послылы или намерения, чтобы обратиться к теме «Категория переживания в культурно-исторической психологии и практики майевтики»? Кстати, есть еще одно определение понятия «категория» в дополнение к тем, которые озвучил Леонид Абрамович. Категория — это наиболее важное понятие в той или

иной научной системе, как основной понятийный строй.

Мы с вами часто обращаем внимание на то, что есть расхождения между теоретическим уровнем каких-то процессов и их практическим использованием. Мне кажется, что если мы обращаем внимание на культурно-историческую психологию, то здесь разрыв между теорией и практикой, особенно в нашей социокультурной ситуации, очень велик. И мы действительно достигли этого вопиющего разрыва, когда практика не соответствует теории, когда есть предпосылки, которые определены до нас и за нас в некотором смысле, но которые мы могли бы использовать, но, к сожалению, не всегда это делаем.

Многие ученые говорят о том, что Выготский, несмотря на то, что он был психологом начала XX века, остается во многом не понятным и не ассимилированным современным научным гуманитарным познанием. И в этом, как мне кажется, заключается еще одна причина того, почему мы можем обращаться к Выготскому.

В дополнение к тому, что говорил Леонид Абрамович о том, как читали Хайдеггера, я вспомнил, как Зоя Престес рассказывала нам о том, как Выготского читают в Бразилии: есть кружок, люди (в основном педагоги и психологи, но и не только, что показатель!) собираются вокруг психолога Зои Престес, которая переводила многие работы с русского (хотя обычно Выготского переводят с английского на тот или иной язык), так как хорошо знает русский язык, на португальский. На каждой встрече они читают буквально по 2—3 абзаца. Каждый читает по предложению, а Зоя Престес пытается им это разъяснить, ссылаясь на ассоциации, которые возникают у людей в процессе чтения. Так в результате медленного чтения возникает понимание и, как мне кажется, и нам не плохо было бы когда-нибудь так же прочесть Выготского.

Цель моего сегодняшнего доклада — обозначить продуктивность культурно-исторической психологии в понимании переживания и его роли в развитии личности, что имеет крайне важное значение для осмысленного использования различных так называемых практик майевтики, к которым относятся любые взаимодействия людей по созданию условий для личностного развития (воспитание, обучение, психотерапия, психологическая помощь и др.). Также принципиально важным является анализ посредством аппарата культурно-исторического подхода психологических механизмов личностных изменений, которые осуществляются в различных педагогических, психологических, психотерапевтических системах. В целом, как это видится автору, потенциал культурно-исторической психологии с удовлетворительной полнотой в гуманитарной сфере не осмыслен и, тем более, не использован.

Культурно-историческая психология содержит принципиальные положения *о развитии (историзме), социальной природе, опосредствованном строении психических функций, а также о переживании как интеграторе этих функций и механизме саморазвития личности.*

Историзм развития как усложнение системы означения

Основные кризисы становления личности (от ситуации «пра-мы» в младенчестве — через 3-летний и 7-летний кризисы — к подростковости) демонстрируют нам, что необходимость удовлетворения потребностей в социальном мире, в мире готовой культуры, который застаёт человека в момент его рождения, требует от него постоянного конструирования и развития системы средств влияния на окружающих людей с целью получения всего необходимого. Именно аффект (как мотивационно-эмотивная тенденция) заставляет

человека открывать, создавать и развивать систему средств воздействия на другого, использовать означение и символизацию как стержневые механизмы этого воздействия. Способы воздействия на другого позволяют осуществлять самовоздействия, конституировать и активизировать внутреннюю динамику — переживания человека. Социальность и опосредствованность, таким образом, суть одно — то, что обеспечивает целостный процесс психического развития в мире культуры.

Поясним это единство кратко. Если человек, используя знаки, первоначально адресованные другому, как-либо фиксирует (обозначает) свою аффективную тенденцию (стикер на зеркале, точка на руке, один из пунктов в списке дел на следующий день), он, как и индеец с узелком на память, в этом знаке концентрирует многие свои психологические феномены, связанные с реализацией аффекта. Более того, он может отстраненно (с позиции этого знака) обозреть эти феномены, они становятся локализованными, ограниченными, осознаваемыми и управляемыми. Система такого управления есть не что иное, как интеллектуальная операция. Мы видим, что образуется *единство интеллекта и аффекта*, которое, как повторял Л. С. Выготский, и есть переживание. Заметим, что вне культуры и вне созданной посредством культуры в живом общении интеллектуальной системы переживание невозможно. Если в начале пути культурного развития аффект доминирует над интеллектом, то потом соотношение между этими функциями переворачивается, и интеллект способен овладеть аффектом, его преобразовать, развить.

Но есть различные способы обозначения, обобщения, ограничения. Есть различные системы значений, которые развиваются и в культуре, и на жизненном пути отдельной личности. Более того, человек оперирует *многими си-*

стемами значений, с помощью которых он конструирует различные смысловые реальности. Он способен занять позицию «над» любой семиотической системой. Думается, в этом и заключается психологическая сущность субъектности личности — в способности обзирать одну систему значений (и связанную с ней смысловую систему) с позиции другой системы значений. Становление такой субъектности может выступать ориентиром для всех майевтических практик.

От общения — к обобщению как условию переживания

В соответствии с одним из любимейших афоризмов Л. С. Выготского «*каково общение — таково и обобщение*» люди общаются и понимают друг друга в меру общего для всех толкования ситуации. Ситуация эта переживается также через осмысление, через операцию обобщения, которая строится на основе системы означения. И этот момент принципиально отличает культурно-историческую психологию от когнитивизма, который фактически игнорирует эту генетическую роль общения в этиологии мышления. В когнитивной терапии контекст общения практически не анализируется (как, например, в психоанализе), когнитивные изучаются по критериям реалистичности и прагматичности.

Обобщенное представление реальности — это план сознания, план ирреального. Сознание — это не просто отражение реальности, но ее концептуализация для удовлетворения потребностей жизни, обнаружения возможностей более полного бытия. Переживание в нашей трактовке будет выступать процессом соотнесения реального и ирреального, действительно и возможного, когда аффект означает и становится понимаемым, когда для него определяется предмет и условия удовлетворения. Действительно,

у культурно вооруженной личности отдельные эмоции и реакции, будучи означенными, становятся переживанием — «единством аффекта и интеллекта».

Сознание возникает не для простого восприятия, а как акт понимания. Понимание и есть преодоление чувственно воспринимаемого, того, что перед глазами. Осмысленное, понимающее видение — это концептуализация ситуации посредством идеальных образов, фиксированных знаками. Такое понимание — необходимое условие собственно человеческого бытия. Э. Хемингуэй «срезонировал» на эту тему: «Мне все равно, что такое мир. Все, что я хочу знать — это как в нем жить».

Через развитие новообразований — к развитию свободы

Итак, обращение к другому с помощью средств есть условие обращения к себе, когда возникает мир переживаний человека как данность своего внутреннего мира себе самому. Такое самообращение Выготский понимал как овладение человека собой, как способность видеть в себе то, что можно изменить, создать *новообразование* — новое качество, новый функциональный орган. Кстати, усвоенное понятие — это наиболее распространенный во внутренней жизни и наиболее эффективный функциональный орган, с помощью которого человек и открывает себя, и овладевает собой, обретая свободу. Еще один афоризм, который в связи с этой логикой нам оставил Выготский, гласит: «*свобода — аффект в понятии*» (сравнить это можно с расхожим марксистским утверждением о свободе как осознанной необходимости: необходимость — в действии аффекта, осознанность — в понятийном мышлении).

Любое понятие — это орган осознания, отвлечения от частных, ограничения и иерархизации внутренней феноменологии человека. Поэтому любое понятие — орган овладения

собой и эмансипации от воспринимаемой ситуации, включая эмансипацию от внутренней ситуации организма — вплоть до свободы от витальных потребностей (как человек, восходящий за идею на костер). Понятие — это психологический орган свободы.

Понятийное мышление как возможность гибкости, богатства и осмысленности переживания

Понятие в системе переживания имеет еще одну важную функцию. Оно является обобщением в том смысле, что *связывает различное*, оно позволяет человеку осуществлять свободную комбинаторику данных, которые у него есть, чтобы получить то, чего нет. Понятие в этом смысле обогащает человека самыми различными образами, неожиданными решениями. Бедность, обыденность переживания — это его фиксированность, неспособность увязать то, что относится к разным смысловым гнездам. Повторяемость паттернов переживания — это скука, а хроническая их повторяемость — депрессия. Переживание обыденности — свойство сознания, отказавшегося от поиска. Б. Рассел говорил, что многие готовы скорее умереть, чем подумать. Сопротивление визиту к психологу, сопротивление в психотерапии, сопротивление жизни вообще тому свидетельство. Несчастный человек готов скорее гордиться своим несчастьем, чем изменить свои паттерны переживания. Необходимость нового переживания требует усилия по созданию нового средства, которым будет иницирован новый опыт (по принципу «создать, чтобы испытать, почувствовать»).

Однако свобода не является простой независимостью от чего-то. Независимость — это негативная сторона свободы («свобода от»). В этом контексте в психологии обсуждаются такие проблемы, как адаптация, управление

стрессом, копинг-стратегии. Позитивный смысл свободы («свобода для») состоит в осознаваемой возможности реализовать аффект, какую-нибудь значимость. В этом контексте в психологии изучаются самореализация и осмысленная жизнь, свобода и творчество. Эти категории и обуславливают здоровое бытие, причем не просто соматическое, но и психологическое, духовное.

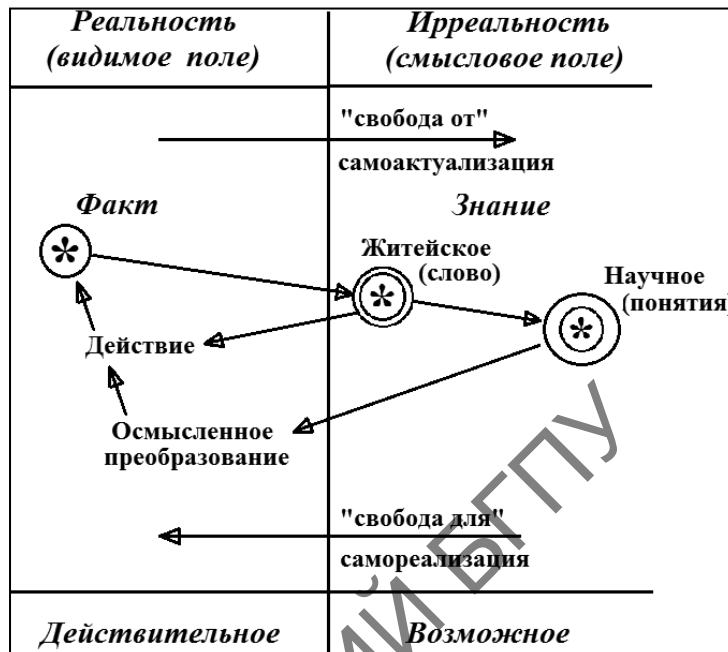
Схематически эту последовательность идей культурно-исторической психологии можно представить в виде рисунка (см. рис. 1 на с. 71).

Л. С. Выготский описывает ситуацию, когда у животных и маленьких детей восприятие сразу определяет моторику, т. е. воспринимаемое поле — это руководство к действию, восприятие связано непосредственно с действием. Совсем другую ситуацию мы имеем, когда между восприятием и действием стоит знак, слово, особенно научное понятие. Интересно, что разрушение речи даже у взрослого человека (при афазии) приводит вновь к этой зависимости от видимого поля. «Лишенная речи, которая сделала бы его свободным от видимой ситуации и позволила планировать связную последовательность действий, афазик оказывается рабом непосредственной ситуации в сто раз больше, чем ребенок, владеющий речью» [1, с. 26]. При распаде сознания, который отнимает субъекта у него самого, вся внутренняя единая динамика распадается на отдельные процессы, которые подчинены только инстинктивному, рефлексорному поведению в воспринимаемой ситуации, человек становится реагирующим организмом.

Новые отношения — приглашение к развитию

Использование знаков, понятий делает человека особым живым существом. Если все другие живые существа болеют по причинам, заложенным в теле или в среде, то человек

Рис. 1.
Переживание
как соотнесение
действительного
и возможного

имеет еще *отношение* к своей жизни, к своему телу, к своему окружению. И это *отношение* принципиально. Оно либо раскрепощает, приумножает силы организма, либо угнетает их, приводя к болезням и даже к смерти. Само это отношение возможно благодаря смысловой системе личности, порожденной знаками, символами, словами, понятиями. Также важно осознавать, что высокоорганизованный интеллект может обслуживать деструктивные характерологические тенденции (нарциссизм, психопатия, паранойя, маниакальность, депрессивность, шизоидность и др.), усиливать функциональную фиксацию прошлого опыта. Понятийное мышление играет разные роли в драме развития, оно — не гарантия, но возможность здоровья и жизнеутверждающего переживания. Весь вопрос заключен не в самой логике мышления, а в том, чему служит эта логика, какую ценность она обслуживает. И тогда именно *новые значимые отношения могут создать возможность переосмысления себя и мира, возможность выработать на*

базе этих отношений новую смысловую систему. Если в психоанализе мышление — это то, что, как правило, обслуживает сексуальные, эмоциональные, характерологические тенденции человека, то в культурно-исторической психологии оно создает и перестраивает и сексуальность, и эмоциональность, и тенденциозность психики.

Выготский обращал наше внимание на то, что *мысль не выражается в слове, но рождается в нем.* Применительно к переживанию мы можем сказать, что оно не выражается в жесте, мимике, голосе, слове, но рождается в них. Отметим, что и жест, и мимика, и голос, и слово — это то, что обращено к Другому, все это используется как знак и имеет значение. Переживание по сути — это живая обращенность прежде всего к Другому, а потом к себе как другому. Переживание можно определить как процесс создания ситуации понимания, жизненно значимого для субъекта. Если человек что-то чувствует, всегда уместен вопрос о том, что и кому это чувство сообщает. Для того, кто зани-

мается практикой майевтики, принципиален вопрос и о содержании высказывания, и о его значении в контексте данного взаимодействия. Только такая трактовка поможет взаимодействующим субъектам быть в зоне ближайшего развития и создавать новообразования.

Посредническая деятельность как магистральный путь майевтики

Далее можно зафиксировать тезис, в соответствии с которым внутренний мир человека, его переживания будут развиваться по линии развития понятийной системы, и в целом системы значений. В различии Выготским житейских и научных понятий, в продвижении от одних к другим, кроется эта логика развития. Вообще мы можем констатировать, что *в развитии отношений между знаком и значением сосредоточен центральный вопрос генеза внутреннего мира человека*. Этот вопрос может звучать так: с помощью чего я что-то могу увидеть (воспринять, понять, пережить), или видеть по-другому, изменить свои переживания? Или: как я могу жить более наполненной жизнью? И здесь посредническая деятельность — магистральный путь развития или терапевтического процесса. *Человек переживает теми средствами, которые он вырабатывает в межличностном общении*. (Заметим, что именно посредническая деятельность психолога, педагога — необходимое условие овладения средствами внутренней деятельности). Инициация нового опыта, нового переживания возможна только с помощью нового средства или нового использования старого средства. Сама жизненная необходимость толкает человека к развитию, а страдание — к излечению (по Н. А. Бернштейну «задача рождает орган»). Каждый практикующий психолог не раз убеждался, что, если у человека есть ясно представляемое желание и если отсутствует вторичная выгода при его фрустрации, он находит (создает) и средства для удовлетворения

этого желания. Конечно, этот процесс не автоматический, но вполне действенный при посреднической роли психолога. (Р. Лэйнг в этой связи заметил, что «теория — это ясно выраженное переживание»).

Конечно, при постановке вопроса «Как я могу жить по-иному?» возникает образ человека-собеседника — психолога или психотерапевта. Но крайне редко проблемы психологической помощи и психотерапии осмысляются в контексте идеи о соотношении знака и значения, об извлечении каких-то значимостей и наполнении ими своей жизни посредством знака, идеи о развитии системы значений личности, характере используемых понятий, создании функциональных органов. Заметим, фактическое игнорирование этих вопросов, стихийное развитие системы значений мы имеем практически во всех направлениях психологической помощи, системах обучения и воспитания (кроме, пожалуй, системы развивающего обучения и практики специальной психологии, базирующихся на фундаменте культурно-исторической психологии). Призывы когнитивных терапевтов, психоаналитиков, гештальттерапевтов к осознанности должны опираться на понимание природы и сущности сознания.

Трансфер и контртрансфер в контексте зоны ближайшего развития, связь средств и содержания переживания

3. Фрейд, построивший свою психотерапию на анализе переноса и контрпереноса, полагал, что лексика пациента скрывает патогенное бессознательное содержание, поэтому он практически игнорировал психологию речи, которая использовалась его пациентом, а также вопрос о том, насколько она способствовала или препятствовала новому видению. Нужное слово или систему понятий человек, подвергнутый

анализу, обретает (изобретает) стихийно, часто в многолетних поисках, что и переживается им как инсайт, открытие нового жизненного мира. Даже свои собственные интерпретации психотерапевт далеко не всегда дает с позиции их соответствия понятной системе клиента, *зоне его ближайшего развития*. Динамика смысла, изменение отношения к происходящему, порождение новой реальности — все это зависимо от знаково-символических артефактов — знаков, слов как знаков, понятий как слов. Действительно, как вы лодку назовете... «Лишь слову жизнь дана», — отмечал И. Бунин. Важными в связи с этим выступают идеи П. Флоренского об органопроекции и А. Ухтомского о функциональном органе. По выражению М. Твена, если изо всех существующих инструментов у вас имеется только молоток, то рано или поздно многие люди вокруг покажутся вам гвоздями. Все это принципиально важно для работы переживания и развития человека. Однако то, чем человек переживает (какими средствами), в психологии систематически изучается крайне редко. В такой трактовке об опосредствовании переживаний культура — не только и не столько репрессивная сила, источник травм, сколько «приглашение к развитию», источник средств и образцов, потенциал жизнеутверждающих переживаний, возможность субъектности личности. И личность формирует свои свойства не только и не столько в переживании травм, сколько *в переживании значимых событий*. И детство — хоть и существенная, но не исключительная эпоха жизни человека, когда его свойства формируются. Напротив, развитие личности взрослого и есть способ его бытия, а развитость сознания — это интенсивность переживания, ведущего к новообразованиям. Только человек, напоминая М. К. Мамардашвили, постоянно находится в состоянии заново-рождения.

Превращение симптома в знак в динамике сознания

Убеждения гораздо вероятнее становятся болезнетворными предубеждениями в пространстве сознания, организованного житейскими понятиями. Именно научные понятия — средства ориентировки в сложном мире. Они более адекватны сложности, противоречивости, изменчивости мира. Научные понятия как основа субъектности позволяют говорить о человеке как единстве разнообразия, соответствующем разнообразию мира. Смысловые системы сознания, построенные на научных понятиях, не избавляют, конечно, от психосоматической симптоматики. Но характер этих симптомов, их роль в личностной динамике будет совершенно иной, если сознание человека научно, основано на диалектической логике. Сам симптом в пространстве творческого человека, рефлексирующего себя и свою жизнь на научной основе, становится знаком личности, а не ее поработителем.

Внутренний мир человека становится динамичным, действительно живым и наполненным, если он имеет определенную культурную вооруженность. Она — возможность диалогизма переживаний, что Выготский поясняет посредством идеи о *сознании как динамической смысловой системе*. Динамика смысловой системы — это и есть работа переживания. Такая работа состоит в построении и разрушении границ смысла, в его превращении. Ж. Батай назвал этот опыт постоянного преодоления границ трансгрессией [2], которая есть постоянное преодоление очевидности в познании, постоянное преодоление себя. Требование от жизни новизны и полноты оборачивается для человека требованием к себе по созданию соответствующих функциональных органов. Внутренний мир, разворачивающийся в переживании, — это потенциал свободы, новизны, полноты, вовлеченности.

Продолжение в № 4 за 2018 год.